

Бабки Попкова

Известия - 2001 - 21 июня - 48.
Выставка советского почвенника

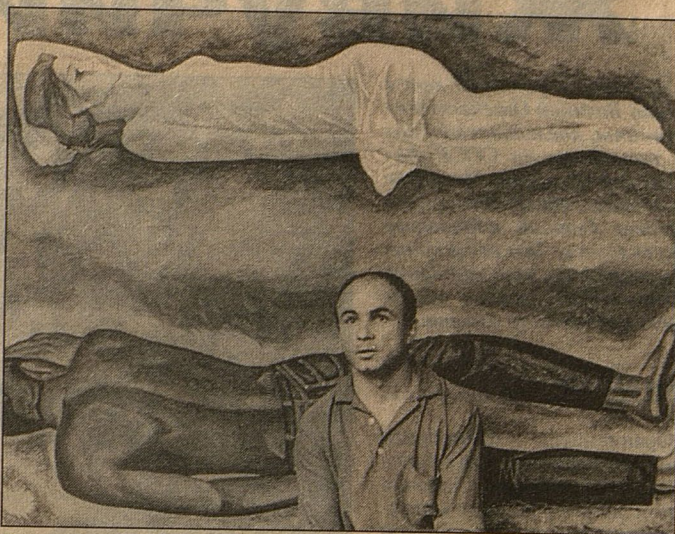
В Государственной Третьяковской галерее на Крымском валу открылась выставка художника Виктора Попкова — звезды 60-х годов, главного «деревенщика» тогдашней живописи, героя давно ушедшего времени и перевернутой страницы нашей культуры.

Ольга КАБАНОВА

Выставка Попкова — к юбилею, если бы не семидесятилетие, вряд ли бы ее открыли: спонсоров не найти (не модно, не актуально), а на приток публики рассчитывать не приходилось, поклонников у художника теперь мало. Хотя в шестидесятые годы Попков был не только чтим коллегами и искусствоведами, но и достаточно популярен. Его выставляли, о нем писали (причислив вместе с группой других художников к представителям прогрессивного «сурового стиля»), его картины пылливо рассматривали, стараясь расшифровать действительные закодированные в них послания («куиш в кармане» — не слишком лестное, но вполне точное определение шестидесятнической манеры наметнуть на то, что все понимают, но не могут произнести открыто; гордость тех, кто позволял себе в меру рисковать удачно складывающейся карьерой, что для карьеры в конечном итоге шло на пользу).

После ранней и совершенно нелепой по обстоятельствам смерти — он был застрелен пьяным инкассатором, в машину которого спяну залез, — Попков стал одним из романтических героев послеоттепельного времени, таким Шукшиным в живописи, почвенником, страдальцем, страстным правдоискателем. В 1975-м, через год после гибели, ему дали Госпремию, что позволило еще больше писать и говорить о Попкове и еще больше романтизировать его и его картину — автопортрет «Шинель отца». Фронтальная шинель была не то что велика герою (скорее впору), но она была чужой одежкой, чужой судьбой, которую он примерял со скорбным недоумением. А за спиной художника стояли три призрачные старухи в красном. Фирменные попковские бабки.

«Хороший человек была бабка Анисья» — одна из последних и знаковых работ Попкова, завершающая серию его картин, где совершенно одинаковые, вдовы (всех мужей на фронте убили), суровые, худые, востроносые, иконольные деревенские старухи толпились в избах и сидели по лавкам. У писателей-де-

Виктор Попков у картины «Двое». 1966 год

ревенщиков они были нравственным мерилom, хранильницами мудрости и правды, у Попкова — призраками, существами потустороннего мира.

Вообще, выставка Попкова, собранная из картин, хранящихся в Третьяковке и семье художника, оставляет тягостное впечатление. Светлых, не депрессивных работ мало — только приватная графика, виды Венеции, деревенские пейзажи да пара жеманной живописи юбилейных картин о Пушкине. Когда же дело доходило до больших выставочных работ, то «суровый стиль» царил безжалостно: мрачное сознание, сумрачные краски, потерянные герои.

Карьера Попкова в общем-то складывалась успешно — он получил хорошее профессиональное образование, занимал различные должности в МОСХе, получал награды, но счастлив не был. Пил, одни говорят — много, другие — не больше, чем многие.

Его внутренняя драма была поколенческой. Почвенничество шестидесятников — проблема безотцовщины не только в прямом смысле. Советская тотальная героизация войны сделала детей войны глубоко несчастными, они были обречены навязчиво примерять отцовские шинели, в которых и правда выросли, но из которых неизбежно вырастали. Горожане и художники, как правило — в первом поколении, они не ощущали собственных корней ни в деревенском укладе, ни в культуре, которую знали плохо, искали свою почву и не находили. Чисто формальные живописные опыты Попкова были по сути робки, хотя и достаточны по стандартным советским меркам. Он был не обделен талантом, но как будто не знал,

что же именно со своим даром надо делать.

«Деревенщики» — почвенники советских шестидесятых — нынешней культурой и нынешним зрителем не востребованы, прочно забыты. Кто будет сейчас перечитывать распутинское «Прощание с Матерью», кто прильнет к бабке Анисье, да и вымерли уже эти бабки.

У Виктора Попкова есть картина, где изображено висящее на стене грязно-серое деревенское лоскутное одеяло, к которому прикреплены мелкие на его фоне газетно-журнальные вырезки: репродукция с картины Джотто, фотография братьев Кеннеди и вид Земли из космоса. Над ними на гвоздиках — ножницы и весы. Таким же фрагментарным, кажется, было и сознание художника, чувствовавшего себя чужим великой культурной традиции, закрытым для большого мира и, в отличие от его деревенских старух, утратившего естественное, не рефлексивное восприятие жизни. Трудно теперь, да и незачем, кажется, понять то фальшивое время, в котором он был героем.

Выставка Виктора Попкова разместилась среди залов год назад открытой экспозиции послевоенной советской живописи. Экспозиции очень пестрой и очень разной. За отсутствием четко выраженной экспозиционной идеологии Третьяковке предъявляли массу претензий. Но так уж получается, что история советского искусства цельной не складывается. Это просто собрание работ художников разных, часто не перекрещивающихся творческих сулей. Все вместе они и составляют большое и нелепое лоскутное полотно — картину советского периода истории русского искусства. Искусства, считавшего себя особым и живущего по выдуманному, убогим правилам.